

Саратов - 1992 - № 8

ЛЮДИ ТЕАТРА

Павел Александрович Карганов. Это имя — одно из славейших в истории нашего театра.

При работе над статьей случайно открылось: в марте будущего года исполняется 110 лет со дня его рождения. Но опередим юбилей, не будем искать специального повода, чтобы вспомнить прекрасного артиста.

Мысль, что надо обязательно написать о Карганове, зародилась давно, когда в театральном архиве, где царствует старейший работник нашего театра Ирина Александровна Макашина, на почетном месте я увидела фотопортрет элегантно темногоглазого мужчины. «Это Карганов», — как-то по-особенному произнесла Ирина Александровна. Оказалось — ее любимый артист. Не раз мне потом доводилось еще слышать от пожилых театралов: «Вот был Карганов!.. Такой был артист!» Его имя называли следом за Слоновым.

Так какой же он был артист? Как узнать и дать представление другим? Оказалось, что это очень трудно. Воспоминания о ролях неконкретны, в основном эмоции типа «ох! -ах!» — и анализа не содержат. Никаких работ, статей, посвященных творчеству Карганова (как и всех других великолепных актеров нашего театра), разумеется, нет. Рецензии на спектакли 30-х — 50-х годов удручают («Народный артист РСФСР Карганов создал тип настоящего советского хозяйственника, директора крупнейшего машиностроительного завода, умного и от-

В этом поможет сам Павел Александрович: в архиве сохранилась его автобиография, написанная в 1949 году. Несмотря на суховатую официальность, это очень интересный документ: за ним возникает история человеческой жизни, такая обычная и необычная. История служения своему призванию.

«Я родился 4 марта 1883 года в г. Одессе в бедной семье кантониста. В 3-х летнем возрасте лишился отца и матери. Оставшись сиротой на попечении сестры, служившей на телефонной станции, 7-ми лет был определен в Михайловский приют для сирот, где и получил начальное образование.

13-летним мальчиком, в 1896 г., поступил в средне-техническое училище. . . Находясь в училище, я почувствовал влечение к сцене. Первым толчком к этому была украинская труппа во главе с корифеями украинской сцены, укрепившая во мне желание стать актером.

В 1900 году. . . поступил в театральную школу М. И. Морской, . . на второй год пребывания в школе я стал постоянным участником спектаклей, устраиваемых в одесском порту, в аудитории «Волнорыз», что давало мне возможность к существованию. . . Путунто с занятиями в театральной школе, я, частным образом, занимался постановкой голоса с профессорами Пазини и Бертенной.»

О голосе. Первое, что вспоминаю, говоря о Карганове, — это его необыкновенный голос. «Сейчас та-

гольсом со сцены говорили о любви, какое женское сердце могло не дрогнуть? Пел чудесно. Ирина Александровна Макашина уверяет, что никогда в жизни больше не слышала такого проникновенного исполнения романсов, как у Карганова. Немудрено поэтому, что одно время Павел Александрович думал о карьере певца и даже 3 года, с 1910 по 1913-й, проработал в оперетте. Но понял: его призвание — драма. Вернулся.

«Служил: в Одессе, Кишиневе, Ростове-на-Дону, Баку — по 1917 г. Февральская революция застаёт меня в Виннице, откуда я переехал в Астрахань, где и встретил Великую Октябрьскую революцию. В Астрахани, в дни борьбы за советскую власть, приходилось больше выступать вне театра, обслуживая Армию...» По свидетельству очевидцев, Павел Александрович был аполитичен, в партию не вступал, собраний никаких не любил — сторонился, так сказать, «общественной жизни». А уж если «коллектив» путем голосования выносил кому-то выговор или увольнял с работы (так было принято) — вставал и уходил. Ему все сходило с рук — за талант. Уж не годы ли гражданской войны научили его тому, что в «политической борьбе» нет правых?

«В Астрахани пробыл с 1917 по 1920 г. Лето 1920 г. и зимний сезон служил в Сталинграде. . . Из Сталинграда в 21-м году — в Ставрополе. Из Ставрополя переехал в Ростов-на-Дону. . . В 1925-м возглавлял драматический коллектив,

Павел Александрович КАРГАНОВ

сая зрителей трагедией обманутой доброты и доверчивости.

Самое появление артиста на сцене, в любой роли, ощущалось как нечто значительное. «Он обладал особенным дарованием: его роль в спектакле становилась центральной, даже если она изначально таковой не была. И для меня, например, «Евгения Гранде» — это спектакль про папашу Гранде, которого играл Карганов, хотя с ним рядом играли великолепные артисты», — вспоминает Валентина Александровна Ермакова. По ее словам, Карганов как бы «цементировал» любой спектакль. Рядом с ним другие словно отходили на второй план — и какие «другие!» У него было удивительное свойство: он тонко чувствовал время, он играл современнее многих более молодых актеров, хотя был уже в почтенном возрасте. Современнее и по манере исполнения, и по тому что играл в роли. Он был интеллектуальным актером — то есть не таким, который полностью полагается на интуицию и отдается стихии чувств, но умеющим анализировать роль, пьесу, ситуацию.

Актер, обладающий способностью думать на сцене (а не играть, пусть и талантливо, «мыслительный процесс»), не менее завораживает зрителя, не менее притягателен, чем тот, кто от переизбытка чувств падает за кулисами в обморок. Поэтому Карганову так шли роли интеллигентов. Он был великолепным профессором Окаемовым в «Машеньке» Афиногенова. Он совершенно «отождествлялся» с «автором» в инсценировке «Хождения по мукам»: перед зрителями предстал русский интеллигент, барин, аристократ до кончиков ногтей — и все это не было сыграно, а присутствовало изначально, в лице, манерах, осанке самого актера; и здесь, на сцене, он размышлял, философствовал, комментировал происходящее, и только тогда оно обретало смысл. Роль «от автора» держала весь спектакль, без нее он превратился бы в «переводные картинки». Такова была сила Карганова.

Для тех, кто искал в театре романтики, Карганов тоже был «сво-

им». Он умел верно взять романтический тон. Тамара Акимовна Лученкова, в 40-е годы — студентка театральной студии при театре, вспоминает, как спешила всегда попасть в зал, где шел спектакль «Фландрия» (В. Сарду), к тому моменту, когда её учитель Карганов — граф де Ризор, чей юный друг Карло погибает в борьбе за свободу, кричит своим громовым голосом: «Палач! Место на твоём костре!» — и добровольно пойдёт на казнь. И по телу побегут мурашки, и весь зал застынет в сладком ужасе, пока эхо возгласа носится по театру. Стоит ли после этого еще раз добавлять, что зрители обожали Карганова?

«С 1929 года веду педагогическую работу в студии при театре, являясь преподавателем по постановке голоса и актерскому мастерству. Многие из моих воспитанников занимают ведущие положения в театрах... Актер Борис Андреев удостоен высокого звания — народного артиста РСФСР...» Среди его учениц — Людмила Степанова Муратовна, которая как о великой удаче в жизни отзывалась о возможности учиться у таких мастеров, как Слонов и Карганов. С Павлом Александровичем они в нескольких спектаклях были партнерами («Юстина», «Не было ни гроша. . .»). И он — признанный мастер, любимец публики, — никогда не «тянул одеяло на себя», но помогал: с ним очень легко игралось. И, помимо уроков мастерства, это были уроки актерского братства: в великолепной труппе театра тех лет никто ни с кем не «конкурировал», никто никому не завидовал — все были равны!

Карганов играл на сцене до последней возможности, почти до последних дней. Его заслуги перед театром были отмечены наградами и званием народного артиста РСФСР. Но самая главная награда — это то, что и сегодня, спустя 30 лет со дня его смерти, бывалые зрители старших поколений говорят порою: «Вот был Карганов — вот это да!» — и охают, и ахают, выражая эмоции. . .

Елена ЧУЕВА

Автор благодарит за оказанную помощь Л. С. МУРАТОВУ, В. А. ЕРМАКОВУ, Т. А. ЛУЧЕНКОВУ, И. А. МАКАШИНУ.

«ЭТО КАРГАНОВ!»

звичайного руководителя как в вопросах производства, так и в вопросах быта трудящихся завода» — из газеты «Молодой сталинец», июнь 1951 года).

И все-таки попробуем восстановить то, что еще возможно. Прикоснемся к его судьбе и творчеству.

ких нет», — утверждают. Великолепный от природы, да еще и прекраснo поставленный, он без труда долетал до всех уголков не только зала, но, казалось, и театра. Низкий, бархатный, обволакивающий, то суровый, то нежный, со множеством переходов и оттенков. Когда таким

подвизавшийся на Кавказе. . . Затем — Вятка, и — в 1928 году — Саратов. Конечная остановка. . .

Ах, жаль, негде и не у кого теперь узнать, что это были за годы? Что стоит за этими перемещениями с места на место? Как «существовали» театр и гражданская война, театр и разруха, театр и нэп? Не столичный, про который все исследовано, а такой вот, где-нибудь в Ставрополе или в Вятке? И какой был репертуар? Что за публика? Увы. . .

Итак, в Саратове Карганов приехал, имея за плечами более 24 лет актерского стажа. Ему было 45 лет, и выглядел он, наверное, уже не так, как на единственной в архиве «молодой» фотографии, где ему немно- го за 30 — этакий уверенный в себе красавец, чем-то напоминающий Наполеона (он его и сыграет, в «Фельдмаршале Кутузове», но сходство, в силу возраста, уже будет меньше). К 50-ти годам красота, улы, потускнела — но величественность, импозантность оставались всегда императорскими. Говорят, как никто, умел ухаживать за женщинами, быть галантным. Поклонницами его таланта, которых было множество, являлись не молоденькие девчонки, предпочитающие вздыхать о героях-любовниках, а подлинные ценительницы театра.

Никто не берется определить амплуа Карганова, хотя в то время, когда он служил на сцене, это было принято. Он мог играть все. И какие роли! Классика, классика, классика... Грибоедов, Гоголь, Островский (видимо, особенно любимый, потому что и в своих режиссерских работах Карганов обращался к Островскому: «Гроза», «Поздняя любовь»); Чехов, Горький, Бальзак, Шекспир. . . Он был создан для классических ролей. Среди наиболее значительных сам числил Фамусова, Городничего, Лира, Отелло.

И. А. Макашина говорит, что «Отелло» ходила смотреть бесконечно — столько раз, сколько удавалось. «Лучший Отелло из всех, кого я видела», «самый настоящий», — из отзывов Людмилы Степановны Муратовой. Это был «пушкинский» Отелло: Карганов потря-

Юбилейный вечер

45 ЛЕТ

Сценической, общественной и педагогической деятельности

П. А. КАРГАНОВА

А. Афиногенова

МАШЕНЬКА

Пьеса в 3 актах, 7 картин

Постановка В. П. Васильева Художник А. В. Бувычевский

II акт, 4 и 5 картины

С. А. Афиногенов	П. А. Карганов	А. В. Бувычевский
М. Горький	В. Шекспир	Л. С. Муратов
Л. С. Муратов	В. Шекспир	Л. С. Муратов

НА ДНЕ

Пьеса в 4 действиях

Постановка и режиссура Александра Ефремова Сценарист Александр Афиногенов Засл. арт. РСФСР — П. А. Карганов Художник А. А. Арнон

Сцена из IV акта

П. А. Карганов

ОТЕЛЛО

Трагедия в 5 актах

Постановка Заслуженного артиста РСФСР — П. А. Карганова Художник В. П. Васильев

III акт, 3 сцена

С. А. Афиногенов	П. А. Карганов	А. В. Бувычевский
М. Горький	В. Шекспир	Л. С. Муратов
Л. С. Муратов	В. Шекспир	Л. С. Муратов